

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

МАРИНА ГАХ

СОЛОВКИ

Где по ветру ложится густая трава,
И берёзы почти припадают к земле,
Еле-еле видны над водой острова,
Чайка долго над ними висит на крыле.

Там растут только камни, шлифует волна,
Поседевший от соли холодный гранит.
И до неба недвижно стоит тишина,
И безмолвное небо над нею звенит.

Там на линии света и тьмы, и тепла
Лишь душе открывается чудная даль,
И не помнит она ни обиды, ни зла,
Просветляет её неземная печаль.

Ближе к Богу, на север, в бесстрастную глушь
Необорно влеченье, просторы близки.
Край земли или царство незримое душ,
И стоят на границе миров — Соловки.

БАБЬЯ ЖАЛОСТЬ

Из щедрот земных досталась
Мне в наследство только жалость.
Бабья жалость вековая,
Неизбывная, слепая.
Я несу её и плачу,
Что я в этом мире значу,
Ничего я не умею,
Лишь по-бабьи всех жалею.

А навстречу мне с дитятей
Выходила Божья Матерь.
“Не печалуйся! — велела, —
Это я весь мир жалела,
От меня тебе досталась
И любовь, и бабья жалость”.

Москва

ЛИЛИАННА САШИНА

ИЮЛЬСКОЕ

...Ставни зыбкие с ромбом в серёдке
обрамляют оконный прищур —
то лукавый, то ласково кроткий —
тот, который упрямо ишу
в городских застекольях — мелькнёт ли
что-то близкое, знак ли подаст...

...

у пруда тальниковые мётлы
с неба звёзды смахнули — вода
расступилась, чтоб тут же сомкнуться
крепче прежнего, — рябь расплылась,
тонко звякнули белые блюдца
полусонных кувшинок...

...

пылал
мак садовый на фоне шафрана —
и роскошество алое жгло,
пах жасмин удушающе пряно,
и молочные мальвы в стекло
засмотрелись, как в зеркало, статью
благородной своею гордясь...

...

стриж кроил золотое — метался
низко-низко, как будто дождя
обещал всем к полудню, но зноем
обдавал редкий вздох ветерка...

...

подбирая волну за волною,
пела синие песни река,
конь, коснувшись холодного, фыркал,
шумно воду тянул, мордой тряс,
и, пугливо шарахаясь, рыбка,
зарывалась в придонную грязь...

...

по макушку облитая солнцем —
млела липа и пышно цвела,
то и дело июльские соты
наполняла трудяга-пчела...

...

разморённые вялые кроны
жалит крыш раскалённая жесьь,
в ряд по колышкам — банки, бидоны
по старинке развешаны...

здесь

отзовутся радушно ступеньки,
вслух дотошно шаги перечтя...

...

враз синицы, затейливо тенькнув,
с облюбованной ветки взлетят
и растают — как не было вовсе,
стихнет гомон, и эхо — за ними...

...

растушёваны абрисы сосен,

день июльский протяжно звенит,
увязая в меду разогретом,
как попавшая в чашку оса...

...

бесконечное — тянется лето
и — ведро за ведром — небеса
достаёт из колодца-темницы
и разносит по сельским дворам:
полетит в высоту — точно птица —
и обратно вернётся журавль,
скрипнув, горько, замрёт — одноногий,
провожая с собой облака...

...

подорожник у пыльной дороги,
голубая тесьма василька
вдоль овса,
красный клевер с пыреем —
на лугах, и кислицы костёр
перелесок осиновый греет —
щедр июль и в забавах хитёр.

Тюменская обл.

ИРИНА ЕГОРОВА

МОСКВА-РЕКА

Пронизав текучестью извечной,
Отразившись в окнах и крестах,
По пути создав Замоскворечье,
За века как будто не устав,

Ты струишься, в солнце замирая,
Золотая, тёмная вода.
Так ли важно — первая, вторая,
Важно, что питаешь города.

Свеженосна, каменнобережна...
Оттого особенно милей,
Когда ты, светло и бережно,
Плещешь у Коломенских церквей.

СВЕЧА

Храм. Тишина и сумрак.
В сумраке я молчу.
Мальчику в светлых кудрях
Ставлю свою свечу.

Лекарю Пантелеймону —
Пусть золотит образа.
А по стволу золотому
Вдруг покатилась слеза.

Ствол, устремлённый, молённый,
Женское сердце не прячь.
Светлой-пресветлой,
Солёной
Плачь, золотая, плачь!

Я слишком люблюсь собою —
Мила мне людская хвала.
Стали моею судьбою
Не люди, а зеркала...

Лечи меня, всюду чужую,
Венец твой лучист и горяч.
Покой лишь в тебе нахожу я...
Плачь, золотая, плачь.

г. Саров

ТАМАРА НЕЧАЕВА

КАРМИЧЕСКИЙ СОН

Нет, не камень, из Космоса брошенный,
Разрешит наш земной раздор.
И плохие все, и хорошие
На духовный взойдут Костёр.
Помолись на родной простор!

Эти нивы, равнины сонные
И дремучие наши леса
Уже дышат жизнью бездонною,
Как России святой глаза.

За туманом спят выси горные,
Спят застывшие в них миры.
Дух Земли таит корни горние,
Как и мы, таит до поры.

Из Любви наши души созданы,
Но, спускаясь в трёхмерный мрак,
Мы забыли дороги звёздные,
Променили Любовь на Страх.

А душа, как Ковчег космический,
Как натянутая струна.
Скоро с Богом сквозь сон кармический
В унисон зазвучит она!

*г. Усть-Каменогорск,
Казахстан*

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

* * *

Услышать глаголы
Времён и народов,
Проникнуться духом
Неведомых стран,
Понять, что всё дальше уходит дорога
В ту даль, где безбрежный
Шумит океан.

Постигнуть глубины
Звучащего слова,
Молчанье забытых
Могил и церквей.
Идти, не пугаясь
Вселенского зова,
К древнейшим истокам,
К молитве своей.

* * *

Болотный край с брусникой,
Где леший ведьму кликал,

Где путник тёмной ночью
Здесь слышал песню волчью,

И кто-то ухал в чаще,
И ветер леденящий,

Гнал как бы по этапам
К еловым колким лапам,

По топи да по снегу
К последнему ночлегу...

* * *

Листом капустным снег хрустит,
Я говорю ему: "Прости!", —
А сам топчу его. Мой след
Твоей ли нежностью согрет,
Твоим дыханьем напоён...
И пусть вздыхает старый клён
О том, что жизнь бурлит вокруг,
Что вдруг замкнулся тесный круг.
О нет, его мы разорвём,
И синь весеннюю прольём
На самый чистый белый снег,
И время свой замедлит бег...

г. Великий Новгород

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

* * *

Нам столько не прожить, а прожито немного.
А прожито совсем как будто ничего,
Грехами, как листвою, усыпана дорога,
И так же далеко сияние Его.

И ходит рядом смерть, беда летит по встречной,
Смеётся надо мной в ночи телеэкран,
И только та, что ждёт в гостинице “Заречной”,
Способна исцелить всю боль сердечных ран.

Я думаю о ней, и каждую минуту
Я чувствую её присутствие в душе,
Я верую, что с ней я скоро рядом буду,
И смерти словно нет, а только жизнь уже.

ЗАЧАТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Мне жаль монастырских развалин:
Их запах, и образ, и цвет,
А место, где мы танцевали...
Теперь его, в сущности, нет.

Тогда здесь не правилась служба,
И колокол здесь не звонил,
Дворовых товарищей дружба
Была мне мериллом мерил.

Тогда было много крапивы
И пыльных больших лопухов,
Мы рвали зелёные сливы,
Не ведая прочих грехов.

С девчонкой соседскою Шурой
Мы здесь целовались тайком.
За то, что назвал её дурой,
Однажды я стал дураком.

И ныне лишь тени развалин
Я мысленно глажу рукой,
А место, где мы танцевали,
Глядит с непонятной тоской.

Москва

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

* * *

И оглянулся ты на полпути,
Когда молила я: “Не уходи!
Не оставляй меня тягучей тени,
В слезах отчаянья, среди сомнений,
С ключами, брошенными на столе...”

Ведь были дни невинных песнопений,
И Ангелы ходили по Земле...”

ЧИСЛА

Смута, смута в небесной купели,
И в душе моей смута весь день.
Мысли, словно снега, налетели,
В сердце, в душу, в лицо... Одолень!

Никуда не уйти и не надо:
Ни в снега, ни к тебе, ни в себя...
Как мы шли посреди снегопада,
Как шутили — так шутят, любя.

Мы число или время забыли —
А всё дело в числе, говорят...
В сны твои — всё из праха и пыли —
Пусть придёт зеленеющий сад,

Как снега, весь облитый цветами,
Весь, как чистое пламя любви.
Числа, числа остались меж нами —
Не исчислены думы мои.

САД НЕБЕСНЫЙ

Николаю Дмитриеву

Из вечного сна не приходят обратно...
Ты друга искал или старшего брата,
Искал среди звёзд и в тенях облаков —
Снов.
Из сада земного ушёл ты в небесный,
Там Ангелы тихо летают над Бездной,
Махая крылами безвестным теням —
Нам.

Москва

ИЛЬЯ ИКОННИКОВ

* * *

Рыжая, до пояса, трава,
Тонкий березняк среди покосов.
В огородах — жалкая ботва,
Чёрная от утренних морозов.

А за нею — горбятся дома
У свинцовых волн, под небом мрачным...
Скоро, скоро тут начнёт зима
Щели пухом забивать гагачьим.

Я рубцовским памятным стихом
Встретил потемневшие избушки.
Мой Ан-2 им вновь качнул крылом!
И опять на луг-аэродром
Вышли деревенские старушки.

Увязали накрепко в кульки
Свой гостинец — рыбу да морошку.
Машут самолёту, сняв платки,
Крестят пассажиров на дорожку...

Молодость, возможно, не поймёт,
Сколько в этих проводах печали:
Расстанутся с внуками на год,
А в глазах вопрос — не навсегда ли?..

Пью с янтарной ягодой чай,
Что мезенским солнцем обогрета...
Ты, деревня, шибко не скучай —
Прилетим на будущее лето!

Вот и стали зори посветлей,
Звёзд высоких — радостней горенье...
Защити, спаси, звезда полей,
Маленькие русские селенья!..

* * *

Полнозвёздное небо крещенское,
Обжигающий душу мороз.
Еле теплится жизнь деревенская —
Три окошка мерцают вразброс...

Саннный путь за угором теряется
И “Бурана” извилистый след,
Но по ним, хоть дорогой считаются,
Никуда хода-выхода нет.

А под ветхими отчими крышами —
Люди тихой, простой доброты,
Уповая на милость Всевышнего,
Довершают земные труды...

Год, другой — и уже не потянутся
К небесам русских печек дымы,
И едва ль нашим внукам достанутся
Опустевшие эти холмы...

Но и зла мирового вершители,
Пролетая над мёртвой страной,
Не войдут сюда, как победители,
И следа потаённой обители
На земле не найдут ледяной!..

Лишь сполохи всё так же засветятся
То зелёной, то алой волной
В бесконечные зимние месяцы,
Под Полярной звездой и Луной...

* * *

Утренником битая трава,
Сделавшись тяжёлой и ненужной,
Гибнет. Но в рассветности остужной
Часть её останется жива.

И когда листва, упав с берёз,
Побуреет, с почвою сольётся,
Есть трава, что над судьбой смеётся —
Зрелая, как будто в сенокос.

Первый, и второй, и третий снег
Тоже одолеть её не могут —
Сами тают, лишь примяв немного,
У травы — как прежде, зелен цвет!

Ты сугроб февральский раскопай
До земли, не поленись, попробуй —
Изумрудна травка под сугробом,
Хоть ещё далече тёплый май!

Стойкости пример — бери с травы
И не вторь тому, кто видит только
Голые поляны да пригорки,
Говоря уверенно: “Мертвы”...

Нынче мы и сами — как она:
Стужены, урежены, пригнуты...
Но не сомневайся ни минуты —
Будем живы. Впереди — весна!

Онега

АЛЕКСАНДР ИСТОМИН

* * *

Плачет природа — и наши плачевны дела.
Вётры роняют листву — мы теряем надежды.
Жизни граница проходит по краю села, —
Дальше лишь дождь без конца да в бурьяне поля,
Где обитают лишь серые волки да нежить.

Если спокойно всё взвесить, то вывод таков:
Путь перекрыт бездорожьем, нуждой и тоскою.
Выход лишь в небо. За пелену облаков.
Там, говорят, есть странноприимческий кров —
Дом для бездомных, обитель тепла и покоя.

*г. Хотьково
Московской обл.*

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ

В дни горьких потрясений,
Тревог и смутных снов
Лечил меня Есенин,
Лечил меня Клычков

Рассветной флейтой-песней
Былинных родников,
В которых свет небесный
И глубина веков.

Вновь прояснялись дали
Сквозь толщу слёз и бед,
И силы придавали
На много-много лет.

ПЕРО

В. В. Бокову

Старомодное перо...
А как пишет молодо!
Что ни слово — серебро,
Что ни слово — золото.

По брусчатке-мостовой
Катится браслетом:
То — частушкой озорной,
То — литым сонетом.

Никакой его песок
Замести не смеет.
Сам компьютерный божок
Перед ним немеет.

“СВЕЧЕЧКА”*

Мы забываем силу слова,
Язык любви не сберегли:
Увы, на смену Казакову
Пелевин с Приговым пришли!

Но в тишине промёрзших комнат,
Пока ещё не рассвело,
Душа, не отступая, помнит
Заветной “Свечечки” тепло.

* Рассказ Ю. Казакова.

ОСЕННЕЕ

Элову арфу кукушки
Уже не услышишь в лесу.
Я грусть свою мимо опушки
В подраненном сердце несу.

Роняет на тропку калина
Морозцем прихваченный лист.
Разбойничьим кажется, длинным
Над просекой сумрачный свист.

Что ж, надо домой торопиться,
Картошку в подвал убирать.
И печку топить... И учиться
Прощенья просить и прощать...

Москва

ТАТЬЯНА МАЛИКОВА

* * *

И сказало Небо: Да будет Земля! — И стала Земля.
И сказало Небо: Да будет Вода! — И стала Вода.
Море выкормит пеной, к груди прижимая, борта корабля.
И мужчины уйдут. И так было всегда. И так будет всегда.

И сказало Небо: Кто верит, — дождётся. — И женщины ждут.
Превращаются в чаек, когда не встречают домой сыновей.
Но обнимешь ли Море в едином размахе оперенных рук?!
Чайки-матери кружат, и бьётся о берег: Рауль! Андрей!

Полногрудое Море прерывисто дышит, волнуя рассвет.
И спешат сыновья по солёным дорогам морщинистых щёк.
А намоленный ветер рвёт в белые перья запененный след.
Только Небо молчит, — который корабль придет ещё.

Возвращаются все: кто-то сходит на берег, кто — входит в песок.
Ведь сказало же Небо: Да будет земля! И стала земля.
Чьи-то белые кудри покроет, как Море, чёрный платок.
А кому-то фатой улыбнётся латать паруса корабля.

Тамбов

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

ЯГА

Будут земли российские белы,
А пока, обгоняя метель,
Журавлей однобокие стрелы
Всё за тридевять мчатся земель.

Манят дали незримой мишенью,
Потихоньку пустеет колчан,
В страсти осени к опустошенью
Что-то есть от лихих половчан.

Где-то скрылись вещуньи-кукушки,
Улеглось разнотравье в стога,
Показалась в окне завалюшки
Баба Маня, по кличке Яга...

То ль за длинные пряди седые,
То ль за близость к опушке лесной
Языки ребятишек незлые
Нарекли её Бабой-Ягой.

Мало было ромашек и ряски,
Мелок был у села водоём —
Размечтались детишки о сказке
В околотке убогом своём.

Подросли — и уехали в город,
Где другая гуляет весна.
У Яги огород не прополот —
Третье лето не гнётся спина.

...И лицо рисовалось так тонко
А умытом стекле дотемна,
Будто светлая ликом иконка
Кем-то вставлена вместо окна.

ВСТРЕЧА

Всё будет уже по-другому.
Ты спрыгнешь на мокрый перрон,
Свернёшь к просветлённому дому,
Встречаемый граем ворон.

На стенах забытые снимки,
От поздних машин огоньки...
Ты мокрые снимешь ботинки,
И дам я сухие носки.

И мы в ожиданье тревожном
Присядем с тобой у стола,
Нисколько не вспомним о прошлом,
А если и вспомним — без зла.

Заплещут лампадные блики
На тонких оправках простых.
“Откуда здесь скорбные лики?” —
Кивнёшь на серьёзных святых.

И я не сумею ответить,
Что так повернулись дела
И что по-другому отметить
Жилище своё не смогла.

Мы выкурим по сигарете,
И, глядя в пустое окно,
Ты выдавишь: “Где наши дети?”
“Да выросли дети давно,

Легко разлетелись по свету —
Иные края повидать”.
Ты снова возьмёшь сигарету:
“Нельзя ли мне им написать?”

Неловкостью спутана липкой,
Теряя остаток души,
Тебе я отвечу с улыбкой:
“Да ты о себе расскажи!..”

И струи воды дождевые
Замрут у холодной стены,
И вздрогнут на стенах святые
От страшной вокруг тишины.

РЯБИНА

А гармонист, нетрезво улыбаясь,
Донёс напев до ближних деревень
О той рябине, что стоит, качаясь,
И ягоды роняет на плетень.

И бабий хор подтягивал послушно,
Да так распелся — сразу не унять.
И мне в прохладный вечер стало душно —
А где же ту рябину отыскать?

Рассвет осенний заползал в долину,
Столы убрали, в дом сложили снесь,
Хозяева забыли про рябину —
А мне б ещё послушать да подпеть!

Я дерево другое обнимала,
Жалея все на свете дерева,
И спела бы — да дивных слов не знала,
А может быть, забыла те слова...

г. Калининград